

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СМЫСЛЫ*

© 2003 г. Б. С. Братусь

Доктор психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии МГУ, Москва

Надеюсь, никто не питает иллюзий в отношении того, что в кратком докладе можно с достаточной полнотой раскрыть метафизический и прагматический смыслы общей психологии. Речь пойдет лишь о некоторых пролегоменах, наметках и, как принято на кафедре общей психологии, очень общих. И поскольку дата сегодняшней исторической – шестидесятилетие кафедры – то возьмем по преимуществу исторический аспект проблемы. Чтобы не уходить уж совсем далеко – начнем с последней трети XVIII века. В 1781 г. Иммануил Кант издает основополагающий для всего развития философии труд “Критика чистого разума”, где, в частности, с немецкой мощью и жесткостью представляет систему метафизики. В этой системе нашлось место и *эмпирической психологии*, правда, здесь у нее весьма условные, прямо-таки птичьи права. Впрочем, судите сами – Кант поучительно говорит следующее: “...Эмпирическая психология должна быть совершенно изгнана из метафизики. Однако, согласно обыкновению в ученом мире, все же приходится еще оставить для нее местечко в метафизике (хотя лишь в качестве эпизода), из соображений экономии, так как она еще не настолько богата, чтобы самостоятельно составить предмет изучения, и в то же время слишком важна, чтобы совершенно исключить ее или придать ее какой-либо другой науке, от которой она еще более далека, чем от метафизики. Следовательно, она – лишь пришелец, который пользуется приютом до тех пор, пока не создает себе собственное жилище в обстоятельно разработанной антропологии (составляющей подобие эмпирического учения о природе)” [2, с. 691].

Правомерно ли при таком подходе ставить сам вопрос о метафизическом смысле психологии – пришельцы и приживалки, снимающей угол у метафизики?

Вряд ли. По крайней мере, я не решаюсь обозначить этот смысл, тем более ввиду последующей затем истории. Ведь Кант оказался прав – психология примерно 100 лет спустя будет изгнана из философии. Это если смотреть со стороны

самой философии¹. По более щадящей наше самолюбие версии – психология гордо ушла сама, хоть ее удерживали и всячески просили остаться. Наконец, третья историческая версия: психология была вырвана из слабеющих рук идеалистической философии естествоиспытателями – именно они стремительно набирали вес и общественную силу во второй половине XIX века. Достаточно напомнить заголовок знаменитой статьи И.М. Сеченова “Кому и как разрабатывать психологию?”. Ответ, как хорошо известно, был решительным и однозначным. *Кому* – физиологу, а не философу. *Как* – объективными методами, причем в большинстве прямо заимствованными из арсенала физиологических лабораторий. В дальнейшем надежды на создание строго физиологической психологии поугасли, но, так или иначе, с этого времени и почти на век вперед моды, одежды, манеры, критерии в психологии стали ориентированы естественнонаучно. Был ли в это время у психологии какой-то особый самостоятельный метафизический смысл?

Опять же, вряд ли, ибо в общепhilософском плане ее жилище не было отдельным, самостоятельным, она и тут не была себе хозяйкой, а приживалкой. Недаром, основной вопрос, мучивший психологию в этом столетии: “А наука ли я?” При этом в качестве науки мыслилась только естественная модель. Курт Левин писал в двадцатых годах прошедшего столетия, что психология так медленно поднималась от исследований элементарных ощущений к более сложным формам восприятия, от элементарного запоминания к сложным формам памяти, от отдельных мыслительных актов к развитому мышлению прежде всего из-за боязни, что на каждой более высокой ступени она не сможет применить достаточно статистической обработки и – тем самым – не сможет соответствовать критерию научности.

¹ Кошке-философии еще отольются слезки мышшки-психологии. Спустя примерно полтора века после ультиматума Канта мышшка сама стала менторствовать и поучать изрядно потрепанную к тому времени кошку. В XX веке распространенной и влиятельной философией становится психологическая теория Фрейда, а по мнению Ю. Хабермаса современная философия уже не может играть самостоятельную позитивную роль в познании и на эту роль предлагаются психологические теории, например, теория Пиаже [5].

*Текст доклада, прочитанного на заседании, посвященном 60-летию кафедры общей психологии МГУ, октябрь 2002 г.

Итак, еще без малого сто лет проживания в кушках естественнонаучного подхода и новое переселение, точнее, отселение, бунт части психологов и переход к другой ориентации. По времени – это после Второй мировой войны, в шестидесятых годах. Именно в эти годы появились язвительные строки в статье Британской энциклопедии (1964): “Бедная, бедная психология. Сначала она утратила душу, потом сознание, теперь испытывает опасения по поводу поведения”.

Да, борьба за чистоту естественнонаучного метода дорого обошлась психологии. Само собой разумеется, не будем умалять великих заслуг, история психологии – не только история потерь, но и многочисленных приобретений, которыми мы по праву гордимся: это тысячи тонких исследований, выдающиеся теории восприятия, памяти, мышления, поведения человека и животных. И – тем не менее – строгие и четкие одежды естественнонаучного подхода стали тесны, и некоторые психологи начали отделяться. Их новым ориентиром и жилищем стал *гуманитарный подход*, тем самым, качественно иной общенаучный принцип, например, смена монопарадигмальности на полипарадигмальность. В рамках этого подхода с неизбежностью появляется интерес, затрагиваются, обсуждаются и философские аспекты бытия – свобода, смысл, назначение человека, правда, истина, нравственность. Намечается новая встреча с философией, на новом основании и условиях. Круг замыкается.

Чтобы сделать процесс наглядным, воспользуемся хорошо известной науковедческой схемой, предложенной Б.М. Кедровым. Она представляет собой некий треугольник наук, вершина которого – науки философские, а углы основания – соответственно – науки гуманитарного и естественнонаучного циклов. Психология при этом помещалась где-то в середине этого условного треугольника. Наложим теперь на эту схему намеченную нами выше историческую последовательность. В результате получим примерно такой рисунок:



Эта схема иллюстрирует смену оснований психологии за последние 200 лет. По сути дела, перед нами три психологии (Ψ_1 , Ψ_2 , Ψ_3), три разных методологии. Психология при этом не просто кочует из угла в угол. Она прорабатывает каждый угол и, что важно, уже не покидает его полностью. Новый этап психологии не закрывает предыдущий, просто смещаются ее основные интересы, угол внимания к ней ученых и публики. И чтобы это увидеть – не надо уходить далеко в историю. Если мы возьмем нашу кафедру всего тридцать лет назад, то тогда ее можно было вполне переименовать, или, точнее, расшифровать, как кафедру экспериментальной психологии восприятия. Лучшие силы факультета занимались восприятием – лаборатории под руководством Ю.Б. Гиппенрейтер (позже В.Я. Романова), В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева (позже А.Д. Логвиненко), Б.М. Величковского. И что сегодня? Я недавно услышал упрек в адрес кафедры – раньше занимались восприятием, точными экспериментами, а сейчас это в загоне, надо бы восстановить. Думаю, это примерно то же, что упрекать – раньше все образованные люди говорили по-французски, а сейчас мало кто его знает и все во-круг – только по-английски, надо бы восстановить традицию, желательно со следующего месяца. На самом деле – речь о ходе истории, ее, пусть небольшим, но реальном шаге за последнее время. Тогдашние герои восприятия давно и добровольно покинули это поле битвы. Ю.Б. Гиппенрейтер стала гуманистически ориентированным психотерапевтом, а В.П. Зинченко – философом психологии.

Возникает неизбежный вопрос: а какая психология (Ψ_1 , Ψ_2 , Ψ_3) является правильной – та, что ютилась в метафизике (Ψ_1), или естественнонаучно ориентированная (Ψ_2), или гуманитарная (Ψ_3), или опять на новом повороте общающаяся с философией (Ψ_1)?

Ответ, думается, обескураживающе прост – правильными были все психологии. Другое дело – надо понять и отразить – какому правилу они при этом подчинялись, в отношении какого именно пласта психической жизни выстраивались, что они улавливали своими методами и оценками (правилами) и что теряли при этом.

Естественнонаучная ориентация психологии, как уже говорилось, дала массу ценных знаний, теорий, дисциплинировала ум, ввела психологию в строгую науку, сделала ее уважаемой. Но на этом пути она потеряла душу, упростила сознание, редуцировала “я” человека. Переходя, вернее, переводя психологию в область гуманитарного знания, его правил и реалий, мы можем, наконец, говорить о чем молчали столетие – о милости и милосердии, о смысле, о доблестях, о подвиге и славе, о вере, надежде и любви. Но, одно-

временно, и теряем – в точности, ясности, логике, возможностях экспериментальной проверки данных. Если в естественнонаучной области не хватало слов о значимом для человека, то здесь опасность превратить все в слова, слова, слова, в некую поэтическую антропологию или психологическую философию.

То же и с философской психологией – обретаем онтологическую опору, набираем высоту, но как бы, поднимаясь, не отделиться от грешной психологической действительности и, глядя с небес, не повторить гегелевское “тем хуже для действительности” и не выпустить в этот момент кусок профессионального сыра.

Но если все психологии правильны, то не впадаем ли мы в некое расстройство сознания, расстройство личности, разноплановость мышления, т.е. методологическую шизофрению. И ты прав, и ты прав, и ты тоже прав. Можно ли при таком разном основании обозначить единый, общий метафизический смысл психологии – самостоятельный, независимый от того, где она проживает.

Чтобы обнаружить его, я думаю, нужен некоторый поворот в сознании. Психологи всегда искали определенную опору, эталон и показали за 250 лет умение служить, уподобляться, ассимилировать соответствующие методологические принципы. Но, одновременно, это не было полным растворением, полной ассимиляцией, полным уподоблением. 250 лет назад ворчал Кант, не признавая психологию достойной метафизики, 100 лет назад ворчали Павлов с Тимирязевым, не признавая ее естественно ориентированной наукой.

Так вот, это умение, способность ассимилироваться, приобщаться и в то же время не растворяться полностью в других науках и есть специфика психологии, ее уникальность. И тогда, возвращаясь к схеме, мы можем понять все значение щедрого предложения Б.М. Кедрова поместить психологию в центр, сердину “треугольника наук”. Место это было осознано в психологии отнюдь не сразу. Если обращаться к недавней истории, то в качестве отправной точки можно сослаться на Жана Пиаже, его вечернюю лекцию, прочитанную в августе 1966 г., в Москве, на XVIII международном психологическом конгрессе. Жан Пиаже предостерег тогда от линейного порядка включения психологии в систему наук (скажем, принятое со времени О. Конта помещение психологии между биологией и социологией). Он весьма сочувственно процитировал в конце лекции кедровскую нелинейную классификацию и согласился с центральным местом психологии в этой схеме. Был, однако, в этом согласии один существенный акцент. В отличие от Кедрова Пиаже предлагал рассматривать “центральное место психологии не только как продукт всех других на-

ук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития” [3, с. 154]. Замечание важное, ибо у Кедрова сквозят отголоски представления о психологии как науке вторичной, порождаемой другими. У Пиаже – намек на особую роль психологии и ее уже самостоятельное влияние на другие науки.

Однако, хотя со времени этих высказываний прошло уже 36 лет, психология по-прежнему определяет свое место главным образом линейно, в конкретном углу, примыкая в какой-либо группе наук и лишаясь тем самым возможности своего отдельного смысла.

Между тем, надо в полной мере осознать значение продемонстрированной психологией возможности быть в середине, центре кедровской или какой-либо иной схемы наук, претендовать на особую представленность всего этого пространства, включая проработанные ранее углы и ниши. И только тогда – главный минус и упрек психологии – ее неприкаянность, вечный кризис, борьба школ, сомнения в собственной научности – выступают главным ее плюсом и достоинством. Психология становится местом живого соотнесения, “телом наук”, посредником и посланником (дерзну утверждать, единственно реально возможным) от одной науки к другой, переносчиком ценностей, переводчиком, способным понять и постичь не просто язык другой науки, но ее внутреннюю жизнь, быт и нравы. Понять и постичь настолько, чтобы быть способным жить в этой другой науке, не теряя, однако, до конца своей инаковости, возможности одновременного присутствия в других мирах. В этой уникальной способности быть “телом наук” и заключается, на наш взгляд, особый, ни к чему не сводимый метафизический смысл психологии. Именно это определяет специфику психологии как типа знания, который неустраним, незаменим никаким иным.

Доклад заканчивается, а ведь до сих пор речь шла о психологии вообще, а не об *общей психологии*. В известной степени это, на самом деле, вещи сходные, смыкающиеся, когда мы пытаемся ответить за свою психологию, ее суть. Вспомним, когда появился сам термин “общая психология”. Кант не говорил об общей психологии, и Сеченов не говорил, и Павлов. В российской психологии, пожалуй, первый, кто стал об этом внятно говорить, был Георгий Иванович Челпанов. И говорить тогда, когда психология начала дифференцироваться. На торжественном открытии Психологического института им. Л.Г. Шукиной при Московском университете (кстати, прямого предшественника кафедры, отделения и факультета психологии МГУ) в апреле 1914 г. он говорил: “Психология распадается на такие части, которые совершенно друг с другом не связаны. Вследствие этого психология начинает утрачивать свое

единство. Ей грозит распад... Нужно принять меры к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать институт, если в нем первенствующее место отводится общей психологии" [4, с. 3].

Таким образом, общая психология призвана выявлять и являть единство психологии, ее лицо. Сама надобность в ней возникла как следствие дифференциации, разрастания вширь, в куст, – как говорил А.Н. Леонтьев. Именно тогда и потребовалась особая рефлексивная область, которая была призвана найти общее и целое в дробях психологической науки и практики. Как писал Л.С. Выготский, общая психология относится к частным дисциплинам как алгебра к арифметике.

Теперь скороговоркой о прагматическом смысле – точнее – прагматических смыслах общей психологии. Они связаны с изначальной и конечной целью общей психологии, которую можно сформулировать следующим образом: *внести порядок и связь в рассуждения, категории и понятия психологической науки, увидеть, удержать и защитить ее не только как совокупность навыков, феноменов и методов, но как сущностный, неотчуждаемый тип человеческого знания.*

Отсюда прагматика общей психологии. Прежде всего, это ее роль в обучении. Она – входные ворота в область психологических знаний: иных просто нет. У всякого, кто захочет иначе войти в психологию, на лбу загорится – *procul este, profani* (удались прочь, непосвященный). Это палата мер и весов, определитель эталонов, которые потом уже разнесут по базарам и рынкам прикладных областей. Поэтому психолог любого толка – социального, клинического, инженерного и т.п., начинает со знакомства с общей психологией – представляемого, защищаемого, отстаиваемого ею корпуса категорий и понятий.

В этом многие усматривают основную и единственную суть общей психологии. Мне, например, в начале моего заведования кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ предлагалось сделать ее сугубо учебной, невыпускающей. Мол, учите общей психологии до курса второго и все. А специализация по общей психологии, ввиду ее размытости и неопределенности, не нужна вовсе.

Такое (причем, довольно распространенное) мнение не учитывает, что задача общей психологии не ограничивается передачей основного корпуса исходных понятий и категорий. Предлагается рассматривать несколько уровней общей психологии [1]. Исходный – это базовая, или школьная общая психология (по аналогии со “школьной философией”, выделенной Кантом). Ее цель – введение и обоснование конкретных понятий, средств, механизмов, системы истории психологических зна-

ний, словом, обучение самому языку, алфавиту, грамматике психологии, без чего нельзя войти в эту область и быть в ней понятым, говорящим. При всей очевидной важности уровень этот не единственный. Напротив, он подразумевает и, в известном плане, вытекает из более вышележащих – *теоретического* и *философского*. Если общая психология первого уровня (школьная, базовая) дает представление о фундаменте, способах постройки, несущих конструкциях психологического здания, то общая психология других уровней намечает (и в идеальном плане – завершает) его купол, подразумевает и угадывает проект в целом. Если первый уровень имеет в большой степени *технологический* смысл, то последние – *архитектонический*.

Могут сказать – а не много ли на себя берете, господа общие психологи? Берем, действительно, много, но не из-за излишней смелости или гордыни, а оттого, что задачи области таковы. Вопрос в другом – что отдаем? И здесь ответ пока, прямо скажем, не очень утешительный и ссылки на прежние заслуги, наследие наших учителей (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и др.) вряд ли сегодня могут быть оправданием. Наука строится не из железобетона, а из куда более зыбких материалов, ее конструкции не на века, они постоянно меняются, испытываются временем и обстоятельствами, ветшают, опадают, теряют прочность, требуют замены – не только в деталях и материалах, но порой в основном принципе, замысле, словом, находятся в постоянном и полном опасностей движении, требующем для своего продолжения поддержки и усилий, подвига непрекращающейся научной деятельности. Сейчас общая психология – явно немодная область, но надо различать в науке моду на проблему и ее реальное значение, вес, некий внутренний, как иногда говорят, гамбургский счет. А по такому счету общая психология была, есть и будет фундаментом, что бы ни думали и ни говорили стоящие на этом фундаменте прикладные отрасли психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь Б.С. Общая психология как университетская наука // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2002. № 3. С. 74–82.
2. Кант И. М.: Мысль, 1964. Соч. в 6 т. Том 3.
3. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // XVIII Международный психологический конгресс. М.: Наука, 1969. С 125–156.
4. Речи на торжественном открытии Психологического института им. Л.Г. Шукиной Московского университета. Репринт Института психологии РАО, 1994.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.